

Л.В. Белоус

Война в творчестве Тамерлана Тадтаева

(сборник рассказов «Полиэтиленовый город»)

Л.В. Белоус*

О войне можно писать по-разному. Можно быть камерным, лиричным, как большинство представителей «офицерской» прозы 70-х годов XX века; можно склоняться к масштабности, эпичности, как это предпочитал делать Л. Толстой; можно видеть в войне толчок для романтических настроений, как у Д. Давыдова, а можно стремиться к натурализму, достоверности, следуя традициям Виктора Некрасова. Именно эта манера, которую логично назвать репортажной, в какой-то степени близка талантливому осетинскому писателю Т. Тадтаеву, сборник рассказов которого «Полиэтиленовый город» вышел в 2013 году.

Как справедливо замечает Ж. Тарханова, «литературные критики отзываются о Тадтаеве восторженно, как о ярком представителе современной прозы, называя «художником слова». По их мнению, даже если Тадтаев пишет не на осетинском языке, он создает новое направление в осетинской литературе» [1]. На наш взгляд, вполне уместно было бы назвать данное направление натуралистическим. В современной осетинской русскоязычной литературе на сегодняшний день это направление представлено только одним автором: Т. Тадтаевым. Но у него, безусловно, могут и должны появиться последователи. Тем интереснее внимательно рассмотреть, как сделаны тексты осетинского автора и как представлена в них главная тематическая составляющая – вооруженное противостояние Грузии и Республики Южная Осетия.

Главная тема сборника, таким образом, – война, которая, что убедительно показывает Т. Тадтаев, охватывает все окружающее пространство: реальное, ментальное, духовное. Одни участники войны, одновременно ее жертвы, просто хотят выжить, другие – отомстить. Кого-то тошнит, кому-то страшно, а кто-то отчетливо понимает,

что происходящему не может быть оправдания.

Война для Т. Тадтаева и его героев – это психоз («...В сумасшедшие времена психи доминируют», – пишет автор [2, с. 139]), порожденный неумением правителей строить взаимоотношения с народом, с культурой и историей, с жизнью и со смертью. В мире как бы больше не остается причин и следствий, если люди способны так обращаться с людьми. Поэтому в очень большой степени ужасы войны передаются писателем через описание абсурдных ситуаций и через использование непригодных, казалось бы, для данного конкретного случая сравнений, уточнений и метафор.

Например, БТР может быть похож на ветряную мельницу, противостоящую Дон Кихоту [2, с. 14]; об убитом и исколотом ранами молодом «бедолаге» автор вдруг говорит, что его волосы были красиво пострижены, хотя это не имеет ровно никакого значения теперь, после его смерти, что усиливает трагизм произошедшего.

Война сравнивается с процессом кино съемки, причем, речь идет о дешевом боевике. Повод для сравнения – «нереальность» происходящего, невозможность поверить в то, что действительность такова, какой видят ее участники боевых действий.

Воюющими война воспринимается как нечто между сном и явью. В войну нельзя верить: она слишком ужасна, чтобы человеческое сознание ее постигло: «Нет, не такой я представлял войну в самом начале. Думал, прославлюсь в жарком бою. А на деле собачий холод, нехватка патронов и еще много того, о чем даже говорить не хочется – подлость и мерзость. И один лишь Бог знает, когда все это закончится» [2, с. 223].

Война порождает жестокость, которую порой невозможно оправдать, потому что она направлена не только против вооруженных врагов, но и

* Белоус Л.В. – к. ф. н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы СОГУ.

против людей, не участвующих в боевых операциях и не виноватых ни в чем, по большому счету. Так, например, происходит в эпизоде, когда по телефону, вытасканный из кармана убитого грузина, молодой парнишка звонит его матери и с энтузиазмом и нескрываемой злобой сообщает ей, что сына у нее больше нет.

Когда Т. Тадтаев расшифровывает причины такого поведения юноши, то осуждать его уже становится невозможно или крайне затруднительно: тот совсем недавно потерял при артобстреле любимую девушку, которую оставил буквально на минутку: «Понимаете, только что она сидела тут полная жизни – и в одно мгновение ее тело превратилось в ничто, в пыль, которая забивалась в ноздри, в горло, заставляя кашлять и давиться соплями» [2, с. 32].

Некоторые используемые Тадтаевым фразы, употребляемые им без надрыва и пафоса (то есть для него описываемое совершенно обыденно), поражают и шокируют: «Я как непьющий чувствовал себя изгоем, а тут еще мода пошла стрелять друг в друга» [2, с. 45]; «Я уже отскреб хозяев с одной стены» [2, с. 154]. Писатель умудряется обходиться без гиперболизации: все описываемое, по его словам, а также по мнению очевидцев, соответствует действительности.

Масштабы случившейся в Южной Осетии беды не могут не потрясти: Т. Тадтаев описывает села, возле каждого дома в которых стояла крышка гроба, а то и не одна, ведь нельзя быть на войне и не убивать, «на войне ангел и тот замараётся кровью невинного...» [2, с. 116].

Гибель некоторых героев можно назвать экзотической (после взрыва оторванная голова продолжает внимательно смотреть на собеседника: такое невозможно придумать), а бывает гибель романтическая, почти красивая: «Окунувшись с головой, он принялся намыливаться, пока не стал похож на глазурированную фигурку. Шум реки приглушил звук выстрела, и мыльная пена на груди Алана стала розовой. Он попытался выбраться на берег, но потом как будто раздумал и, махнув рукой, погрузился в воду» [2, с. 181]. В последнем эпизоде особенно интересна авторская позиция, схожая с тем, каким образом предлагает своим последователям описывать действительность постмодернизм: максимально отстраненно, без демонстративной заинтересованности, с кажущимся равнодушием. Именно в постмодернистской эстетике, к которой Т. Тадтаев прибегает редко, но уверенно, таятся корни так называемого «черного юмора», пугающего многих читателей сборника, как и ненормативная лексика, активно и оправданно используемая в рассказах.

Война – это отчаяние, это перехлестывающие эмоции, это сдающие нервы и невозможность сдержаться. Именно поэтому герои Т. Тадтаева совершают порой абсурдные, нелогичные, даже сумасшедшие поступки: показывают телевизору, точнее, американцам на его экране убитую девочку; расстреливают монитор из-за новостей, которые не соответствуют действительности.

Т. Тадтаев сумел найти точные и нужные слова, которые могут почти осязаемо описать человеческое горе: «А потом я услышал свой собственный крик и никак не мог закрыть рта, хотя все звуки вылетали из меня вслед за душой моего брата – кровного, потому что я побратался с ним над трупом врага» [2, с. 94].

Мотивы некоторых поступков на войне удивляют и возмущают: солдат может убить представителя вражеского стана просто потому, что надо, к примеру, округлить счет насечек на прикладе автомата. Среди воинских доблестей есть и такая: «Убьет человека, не моргнув глазом». Герои войны выжжены изнутри, срабатывают не душевные порывы, а какие-то иные механизмы, отсюда сотни нелепых смертей, иногда от пуль своих же соратников по войне.

Война отражается на людях физиологически: некоторые ребята за пару дней седеют, другие, как ни удивительно, мобилизуются, воодушевляются, здороваются. В одном из своих интервью Т. Тадтаев отметил, что война его вылечила от какой-то сердечной болезни, истощившей его до такой степени, что родители привезли его в Цхинвал из Душанбе, чтобы спасти. Кстати, в этом же интервью писатель вскользь называет войну потехой: «Тут наступил 89-й год, к власти пришел Звиад Гамсахурдия – и пошла потеха, то бишь война. И, как ни странно, я стал поправляться» [3].

Одно из основных чувств на войне – это чувство страха, о котором Т. Тадтаев пишет много, часто и разнообразно. Страх выглядит по-разному. Он у Тадтаева «склизкий». Страх «выжимает из человека пот» и делает ноги «тяжелыми, как гири» [2, с. 38]. Писатель пытается найти адекватные определения и слова, чтобы описать это чувство: «Как будто давили ногами мое сердце» [2, с. 30]. Мысли перед боем могут быть самыми разными, но все они тонут в «мутной жиже страха, разбавленной отчаянием» [2, с. 27].

У страха есть несколько странных свойств, к которым герои умеют приспособиваться. Чтобы страх стал меньше, лучше находиться на передовой и знать, что происходит. Чем больше человек прячется, чем грандиознее его неведение, тем значительнее страх.

Особенно страшным на войне представляется соседство живых и мертвых, буквальное соседство. Очень близко, рядом в подвалах оказывались погибшие и прячущиеся люди: нельзя было ничего предпринять, потому что выйти наружу не представлялось возможным.

Страшно еще и то, что ночью война не отпускает, заполняя собой все сонные кошмары.

Конечно, сила эмоций, переживаемых на войне, требует каких-то ощутимых мер по их нейтрализации. Самая доступная из этих мер – алкоголь. Потребление его, по Т. Тадтаеву, приобрело в осажденном Цхинвале пугающие масштабы. Наркотики тоже не обошли защитников столицы Южной Осетии стороной, многие могли в те дни повторить молитву одного из героев Т. Тадтаева: «Господи Боже, пошли мне сил соскочить с иглы или забери к себе, потому что я не знаю, зачем жить дальше. Все, кого я любил, под землей, а то, что происходит сейчас на ней, непонятно, да и неинтересно» [2, с. 189].

Лучший способ отвлечься и успокоиться на войне – погрузиться в «теплый омут прошлого» [2, с. 129].

Война способствует расчеловечиванию: «Я обнаружил в себе такую кровожадность и жажду убивать, что испугался самого себя... Из мирного обывателя, зацикленного на собственных проблемах, я превратился в жаждущего крови ублюдка» [2, с. 262–264]. После боевых операций любой из героев Т. Тадтаева мог бы сказать, что его осталось совсем немного [2, с. 99].

На войне человек, конечно, меняется, но все равно некоторые привычки и приемы, характерные скорее для мирного времени, сохраняются. Например, любовь к хвастовству и пижонству, которая в боевых условиях становится весьма опасной, но не исчезает вовсе. Мотивом некоторых отчаянно смелых и потрясающих воображение поступков становится элементарное желание «внушить камуфляжной шпане уважение» [2, с. 19].

Напрямую Т. Тадтаев не сравнивает войну с любимыми мужскими увлечениями: охотой или рыбалкой. Но общего много. Даже тот «кайф», который может испытывать солдат, уничтожая противника из пулемета: «Не могу остановиться, до того мне хорошо, только бы сердце выдержало такой кайф» [2, с. 104].

Есть люди, для которых война – их стихия, в ней они чувствуют себя жутко, страшно, отвратительно, но лучше, чем где бы то ни было еще. Для них война – «лекарство против морщин» [2, с. 131]. И это приобретенное качество. Опыт войны, как плохая привычка, затягивает в свой

омут и становится необходимым, как воздух. Вот что для автора сборника рассказов самое жуткое на войне.

Война, как магнит, притягивает к себе оружие. Его слишком много вокруг, чтобы можно было говорить о покое. Оно приобретает для обороны («В каждом доме, где остались мужчины, должен быть гранатомет, пулемет и автомат, или следующую войну мы проиграем» [2, с. 19]), но используется, безусловно, не только для этих целей.

Оружие может сработать случайно, а может оказаться в руках параллельно с сильной негативной эмоцией. И тогда происходит самоубийство, которого могло бы не быть, если бы рядом не находилась смертоносная техника, потому что «стволов в городе больше, чем желающих из них пострелять» [2, с. 185].

Оружие имеет такую невероятную ценность, что младший брат ждет гибели старшего для того, чтобы получить в наследство кавалерийскую винтовку.

Серьезнейшей проблемой современной войны становится отсутствие связи или ее плохое качество. Человек XXI века не просто привык постоянно иметь под рукой мобильный телефон, но и приобрел зависимость от этого теперь уже незаменимого технического средства. А его отсутствие становится болезненно ощутимым.

У войны есть запах, точнее, целый набор запахов. Один из них – жареное мясо. Если представить себе, почему именно этот знакомый всем почти праздничный аромат сопровождает бои, то не может не сделаться жутко. Один из запахов войны – оружейное масло, впитывающееся в кожу как будто навечно. Еще война пахнет анашой и потом, конечно, кровью.

Некоторые ароматы воспринимаются воюющими как ароматы жизни, они мешают погрузиться в боевые перипетии до конца, с головой, мешают ошалеть от беды, они спасительны и мучительны одновременно: «Запахи трав, не просохшей после дождя земли, тополей, сбрасывающих с себя пух, впились мне в ноздри; казалось, природа давала мне понюхать саму жизнь перед возможной смертью» [2, с. 267].

На войну активно реагирует природа, о чем иногда напрямую, иногда почти мимоходом упоминает писатель. К примеру, он может сказать, что ветки деревьев острижены войной. И повсюду – «раскаленный боем и зноем воздух» [2, с. 164].

Война, конечно, изменила городской пейзаж. Многие дома в городе были сожжены, и их черные окна казались особенно мрачными. У памятников отбиты разные детали, во дворе школы – кладбище. Город не узнать.

Т. Тадтаев четко и неоднократно демонстрирует, что люди во время войны (или вообще в любое максимально кризисное время) делятся на тех, кто спасает свою шкуру, и тех, кто защищает свою землю, свой народ. Как в пословице о том, что война – кому война, а кому – мать родна. Ситуаций, иллюстрирующих человеческую подлость, в рассказах сотни: к примеру, изображается семья, которая весьма комфортно устроилась в подвале, забыв, что за стеной живет совершенно больная и уже не встающая с постели соседка.

Конечно, в Цхинвале не обошлось без мародеров. Причем как с осетинской, так и с грузинской стороны. В рассказах герои постоянно поднимают и спускают, заносят и выносят различную технику, мебель, разбирают на запчасти дома, не скрывая, что намерены продать бывшие в употреблении строительные материалы, роются по карманам убитых, снимают с их пальцев перстни. Таких в воюющем Цхинвале называли отмороженными.

Война раздражает и злит. Ее участники, осознавая несправедливость, продолжающую господствовать вокруг, в сердцах кричат: «Пусть воюют те, кто нахал!» [2, с. 16].

Деньги как таковые перестают быть ценностью в экстремальных условиях. Не раз героям сборника предоставляется возможность «набить свой десантный ранец баблом» [2, с. 29], но они этого не делают даже не в силу высоких моральных качеств, а просто потому, что не верят в возможность остаться в живых, а на Том свете деньги им ни к чему.

Война развращает. Смерть становится до такой степени привычной, почти родной, что Т. Тадтаев позволяет себе сказать, что она «обнимает и целует» [2, с. 39] своих «подопечных». Огромное число погибших Т. Тадтаев сравнивает с навязчивым тополиным пухом. Души умерших легки и многочисленны, они заполняют собой практически все воздушное пространство.

На войне, описанной в сборнике, мечтают об очень простых вещах, которые в обычных условиях даже не приходят в голову в силу своей примитивности, обыденности и незаметности. Во-первых, о том, чтобы остаться в живых. Среди желаний воинов – попасть домой, помыться, лечь в чистую постель и поспать. Но главная мечта – о тепле и уюте, которые может подарить женщина. Любая: родная и любимая или совершенно случайная.

На войне, конечно, много слез. Но, если верить Т. Тадтаеву, слез еще больше после войны, когда наступает осознание произошедшего, ког-

да приходит тишина и становится возможным трезво оценить масштабы случившегося.

Другим признаком поствоенного, если так можно сказать, синдрома является деление людей на тех, кто все пережил, и тех, кто (причина не имеет значения) не участвовал в боевых действиях, «когда небо упало на землю и раздавило наши души» [2, с. 37].

Психически неуравновешенным героям войны уже после ее окончания очень нужны внимание, понимание и даже лесть: «Дружбу героя можно приобрести пением дифирамбов и толикой денег» [2, с. 90].

В дни войны были люди и структуры, которые не гнушались тем, чтобы пользоваться человеческим горем, бедой целого народа. На страницах сборника читатель встречает исламских эмиссаров, вербующих психологически убитых православных перейти в иную веру. Ислам вызывал в те дни интерес еще и потому, что соседние северокавказские мусульманские регионы успели прославиться подготовкой боевиков, агрессивных, умелых, безжалостных.

Религиозные чувства на войне проявляются по-разному: один герой целует побеленную известкой стену старой часовни, другой молится о возвращении подорванного в боях и пьянстве здоровья, третий просит у Богородицы денег.

Наверное, самая короткая молитва в сборнике такова: «Господи, Господи, не сведи меня с ума!» [2, с. 184].

Несколько раз писатель от имени своих героев задает важнейший, по его мнению, на войне вопрос: «А ради чего? Кто-нибудь может объяснить?» [2, с. 18]. «Бог в таких случаях ничего не слышит, зато дьявол глядит в оба» [2, с. 156]. Но ответ на вопрос «Ради чего?» очевиден для внимательного читателя. Ради свободы, которая выше и глубже логики и здравого смысла. Она, если верить Т. Тадтаеву, а он, нельзя не признать, очень убедителен, отвергает даже нравственность, позволяя буквально все, кроме каких бы то ни было запретов.

В блиц-интервью информационному агентству «Рес» на вопрос о том, что для него является наивысшим счастьем, Т. Тадтаев ответил так: «Быть свободным. За это я и воевал» [4].

Детям не место на войне, считает Т. Тадтаев, но они там присутствуют. Более того, они впитывают ненависть, отчаяние и страх еще эффективнее, чем взрослые. Для них война – пока игра, в которую они играют без усталости. Только, что подчеркивает автор, грузином в играх никто не хочет быть, предпочитая быть немецким фашистом.

Многие младшие братья, потерявшие на войне старших, не могли смириться с потерей и простить себе, что злились на подзатыльники, на просьбы сбежать за сигаретами и на многое другое. Теперь бы они выполнили абсолютно все, но теперь было уже поздно. Это тоже одно из важнейших слов на войне – «поздно».

В молодых ребятах, рискующих ежесекундно своими жизнями, очень много совсем детского. Наверное, каждый человек в раннем возрасте, когда его обижали, всхлипывая, представлял, что он умрет и все будут жалеть о содеянном. То же происходит и у Т. Тадтаева. Поссорившись с девушкой, один из его героев сочиняет стихи, а потом думает следующее: «Надо будет развить тему, дописать стих и положить в нагрудный карман. А когда меня привезут из Абхазии, как и положено герою, в цинковом гробу, худой Баке вскроет крышку, вынет пробитую пулей окровавленную бумажку и прочтет пришедшей на мои похороны публике, ради кого я погиб... И как Светка будет жить дальше? Хотел бы я посмотреть на нее с того света» [2, с. 105].

Молодыми война может восприниматься легкомысленно до глупости. Один из героев произносит следующую фразу: «...Сначала повоюю, нагуляю, так сказать, аппетит к жизни, а уж после махну в Сочи. Куплю там в сауне телку на всю ночь и в перерывах между сексом буду рассказывать ей о своих подвигах» [2, с. 108].

В рассказе «Неформал» мальчишко-добровольцы, как охотники или рыболовы, «мелятся» количеством убитых врагов:

« – Я насчитал сорок с чем-то трупов.

– В прошлый раз было двадцать, – сказал Бобе.

– А я помню, ты говорил десять, – засмеялся Гугу» [2, с. 254].

Нельзя сказать, что в боевых условиях нет радостных моментов. Их, возможно, даже больше, чем в мирной жизни, потому что они острее осознаются и тоньше чувствуются. Причиной огромной радости может стать даже найденный в подвале обыкновенный сливовый компот.

Война сплачивает, а не разобщает. Друзей воюющие молодые люди предпочитают именовать братьями по оружию.

Некоторые негласные кодексы и благородные законы продолжают действовать и на войне: осетинские добровольцы, к примеру, не позволяли себе стрелять врагам в спину.

И еще на войне остается место обычаю, который хранится в человеке на каком-то генном уровне. Когда женщина бросила между дерущимися насмерть косынку, то драка тут же прекра-

тилась, воины отпрянули друг от друга, хотя это не остудило их, а, напротив, даже распалило ненависть.

Безусловно, в творчестве Т. Тадтаева очень важное место занимает русская тема. В рассказах осетинских добровольцев русские – желанная мечта. Они спасители. Но добровольцы хорошо понимают, что русские солдаты, которых ждут дома, не обязаны проливать кровь за Южную Осетию, поэтому основная тяжесть противодействия грузинскому нападению должна лечь на плечи Осетии. Такая позиция для Т. Тадтаева максимально правильна. Отсюда проистекает и кажущаяся несправедливой и особенно жуткой ненависть к своим, осетинским, мужчинам, которые с женщинами, стариками и детьми прятались в подвалах Цхинвала.

Еще одно чувство, которое вызывают у участников боевых действий с осетинской стороны русские, – это чувство благодарности.

Т. Тадтаев ставит в своих рассказах диагноз не себе даже, а своему поколению: вирус войны. Проявления этой болезни – желание ненавидеть и убивать. Суть ее – психическое расстройство. Действие – «высушивание» человека через страх, отчаяние и ненависть. С причинами все очень сложно: Т. Тадтаев видит зарождение вируса в распаде СССР и даже еще раньше: в создании СССР В. Лениным. Отсюда многочисленные проклятия, посылаемые героями сборника рассказов в адрес обитателя Мавзолея.

В текстах Т. Тадтаева немного политики, тем ярче выглядят те редкие упоминания о том, что, например, писали грузинские газеты, вдребезги разбивая явление, когда-то называвшееся и являвшееся на самом деле дружбой народов: «Осетины – пришельцы, пусть убираются с нашей земли!!! – так кричали патриоты Грузии. – Негрузины не имеют права иметь больше одного ребенка!» Мне наплевали в душу. Растоптали мои чувства. Моя бескорыстная любовь к грузинам превратилась в святую ненависть к ним» [2, с. 195].

Показателен один из диалогов сборника, к войне отношения не имеющий. Девушка спрашивает парня, не грузин ли он. Тот отвечает, что осетин. «А какая разница?» – удивляется девушка. Ответ юноши крайне важен, потому что демонстрирует, что для писателя война – полная бессмыслица, нонсенс. Ответ этот таков: «Говорим на разных языках, а так никакой» [2, с. 85].

Но с врагами расправляются почти всегда одинаково: максимально жестоко, не сожалея об их загубленных мечтах, планах и перспективах. А потом позволяют себе быть циничными по от-

ношению к убитым: «А голову его рыжую в Лихве утопил. Посмейся там над рыбками, твою мать, им твои тупые и не к месту шутки по жабрам, потому что рыба – тварь холоднокровная, а у меня по жилам кипятки бежит» [2, с. 186].

Враг неоднороден. В одном из рассказов Т. Тадтаев поведал историю о грузине, который призывал и своих, и осетин посмотреть на небо, на солнце и убедиться, что надо жить и радоваться, а война – это сумасшествие как минимум. Были такие люди, только их никто не слушал.

Главный прием, используемый автором для создания эффекта достоверности, – репортажная стилистика, хроникальность, имитация передачи информации с места события в режиме «онлайн». Ощущение присутствия читателя прямо там, где происходит описываемое Т. Тадтаевым, усиливается с помощью частого использования настоящего времени глаголов во многих текстах.

Один из любимых приемов Т. Тадтаева – контраст, противопоставление, антитеза. С одной стороны, война, с другой – то, что было бы, если бы ее не было: «Я бы сейчас загорал на горячих камнях и смотрел на попки купальщиц» [2, с. 20].

Часто писатель прибегает к повторам, желая усилить необходимый ему эффект и наверняка донести до зрителя то, что ему хочется. К примеру, в рассказе «Добровольцы» главный герой несколько раз спрашивает разных персонажей о том, как их зовут. Но ответ он не слышит, хотя кивает, показывая, что понял. Это повторяется трижды не совсем случайно. Возможно, война упраздняет значение анкетных данных, актуализируя какие-то иные смысловозначительные признаки и характеристики личности.

Т. Тадтаев достаточно жесток: не скрывает грязи, блевотины, гноя, крови, других нечистот, которые неизбежно сопровождают войну. Конечно, во время боевых действий произносятся очень много матерных слов, проклятий, ругательств. Писатель активно пользуется отвращением как эмоцией, вызывающей в человеке физиологические последствия; эмоцией настолько сильной, что она остается в памяти человека дольше других испытанных переживаний. Так, Т. Тадтаев описывает свиней, обжираться вывалившимися кишками убитых: он хочет, чтобы читатель буквально всем организмом ощутил кошмар войны.

Ольга Холянова, автор короткой, но очень емкой заметки о творчестве Тадтаева, говорит следующее: «Особенностью прозы Тадтаева можно назвать периодические «флэшбеки» – при виде знакомых улиц, разрушенных войной, героя за-

хлестывают воспоминания о мирной жизни, о детстве, или же, наоборот, о первых днях войны. Этой творческой манере он не изменил и после того, как рассказы в духе раннего Селина, с полными черного юмора хлесткими метафорами («Ты поздно раскинул мозгами в чужом саду незнакомого тебе народа», – обращается герой к врагу, которому только что прострелил голову), сменились на несколько более гуманистические произведения, где чувствуется усилившаяся усталость от бесконечной войны» [5]. Ретроспекции, которые О. Холянова удачно именуется «флэшбеками», как правило, связаны с описанием мирной жизни героев Т. Тадтаева.

Из той же довоенной действительности происходят редко, но к месту используемые автором литературные сравнения, обязывающие указать комплекс межтекстовых связей книги Тадтаева. В литературном пространстве находятся примеры на все случаи жизни. Так, один герой по имени Буро похож на Тараса Бульбу, учившего своих сыновей уму-разуму, другой персонаж вспоминает пример Гаруна, «бежавшего быстрее лани»; третий сравнивается с Паниковским, хотя у него, в отличие от сына лейтенанта Шмидта, были молодость, сила и отвага. Любимая девушка из Киева названа «панночкой», что, безусловно, отсылает читателя к гоголевскому творчеству.

Как ни странно, даже из огромного наследия Лермонтова герой Т. Тадтаева выбирает строки, напрямую связанные с грузино-осетинским противостоянием: «Недолго продолжался бой: // Бежали робкие грузины!.. // Скакун лихой, ты господин // Из боя вынес как стрела, // Но злая пуля осетина // Его во мраке догнала». Эти строки из поэмы «Демон» герой цитирует любимой девушке на свидании. Конечно, они далеки от любовных признаний, но писатель лишней раз подчеркивает: война, если она есть, пронизывает абсолютно все сферы человеческой жизни: даже такие, как взаимоотношения юных влюбленных.

На страницах военных рассказов Т. Тадтаева встречаются мифические предки осетин – воинственные и бесстрашные нарты, которые смеялись над стариками, потому что мужчина должен был, по их понятиям, встретить свою смерть в бою, а доживший до седин – трус. О преклонении автора перед героями войны говорит сравнение их с Христом, который тащит свой крест на Голгофу [2, с. 97].

Некоторые отрывки рассказов Т. Тадтаева созданы в стиле, напоминающим восточную поэзию: танка или хокку. Сходство связано прежде всего с желанием запечатлеть мгновенную эмоцию, зафиксировать не секунду даже, а миг. Род-

нит стилистику подобных тадтаевских высказываний с восточной поэзией еще и параллелизм (человеческие чувства сравниваются с какими-то иными параметрами: природными или предметными): «Осень плачет над ушедшим летом, высасывая влагу из еще не успевших пожелтеть листьев. Я тоже вспоминаю август и друзей, сорванных войной с дерева жизни» [2, с. 41]; «В зубах я держу тонкую белую ниточку воздушного шара, надутого моими воспоминаниями. Уже выпали зубы и сгнила нить, но шар надо мной, и я никак не могу избавиться от него» [2, с. 41].

Как ни удивительно, сугубо военной терминологией писатель в разговоре о боевых операциях не ограничивается. Он прибегает к сравнениям из мира природы. Так, в рассказе «Добровольцы» отступление боевых отрядов уподобляется весенним ручьям, которые, стекаясь в одно место, образуют водоем внушительных размеров. Для большего сходства автор именуется этот водоем «большой лужей» и сопровождает его эпитетом «смердный» [2, с. 19].

Боевые отряды похожи на волчьи стаи, а их лидеры – на вожаков, скалящих зубы, не умеющих смеяться, видящих насквозь и врагов, и друзей. Добровольцы не просто волки, это «свихнувшиеся» волки, «матерые» [2, с. 146].

Герои Т. Тадтаева, как утверждает сам автор, не вымышленные, а собирательные образы: «Возьмем того же Хряка. В нем и геройство, и простота, и своенравие, и толика наглости. Все эти качества, в той или иной мере, присущи нашим цхинвальским ребятам» [6].

«Лирический» герой Т.Тадтаева – не одно и то же лицо на протяжении сборника, он разный, но почти всегда он обозначен местоимением «я». То есть многих своих знакомых, друзей, живых и мертвых, писатель представляет изнутри, создавая образ поколения, очень обобщенный и наделенный неповторимым опытом. «Я» для Тамерлана Тадтаева – «поколенческая» категория. Это большая группа людей, осетин, которые имеют важные общие воспоминания, связанные с жестокой, несправедливой националистической войной. Лирический герой писателя уверен в том, что он слишком соленый от слез, пролитых на могилах друзей [2, с. 40].

В одном из своих интервью [7] писатель признается, что хотел бы создать сценарий, который не затеряется среди других. «Сценарность», кинематографичность является одной из наиболее ярких черт стиля осетинского автора: он выстраивает интерьеры и пейзажи, устанавливает в определенном месте виртуальную камеру, создает диалоги, которые легко можно было бы

воспроизвести вслух, подробно описывает предметы и явления, способные стать основой, базой «крупных планов».

Т. Тадтаев интересен читателю не только тем, что стал хроникером последней кавказской войны, но и тем, что он смело, отчаянно болеет за свой народ, а потому считает себя вправе говорить представителям осетинского этноса крайне нелицеприятные слова: «Вить хочется, когда смотришь на то, что происходит вокруг. Восемнадцать лет шла война на Юге, и уже не помнят имена зарытых в землю героев, а здесь, на Севере, убивают детей в школах. Беслан все еще кровоточит. Избиение младенцев. Взрывы на базарах. Наркомания. Нация тает на глазах. И всем по херу. Молчание ягнят. Привыкли. Так нам и надо, потомкам аланов, в стране Алании. Довоевались, арийцы – светловолосые бестии» [2, с. 71].

Последний рассказ сборника шокирует. Прежде всего, тем, что написан он от лица погибшего на войне молодого человека, что придает тексту эпическое звучание.

Страшные слова произносит его мать: «...Я привыкла, устала, и сердце мое окаменело. У меня даже слез не осталось, чтоб оплакать тебя...» [2, с. 269].

Но еще более мощные по воздействию на читателя слова исходят от самого погибшего: «Фронтовики стремились попасть именно во двор этой школы, потому что здесь как-то почетней, да и ребята все знакомые. Мертвецы потеснили школу, но уже негде было хоронить, и снова заработало Згудерское кладбище. Вначале к нам приходили. Но приходившие сами легли рядом, и могилы наши заросли травой» [2, с. 269].

Книга «Полиэтиленовый город» написана Т. Тадтаевым именно для того, чтобы в ответ на горькую исповедь погибшего героя, не совсем традиционного, не блещущего славой и благородством, но настоящего, родного и близкого, уверенного в том, что его забыли, читателям захотелось бы ответить отрицательно.

Т. Тадтаев говорит, что ему важно, «чтобы те ребята, которые сражались, заняли свое достойное место в истории, чтобы внедряемое в наше общество беспамятство прекратилось и уже не могло бы иметь продолжения. Если они – и Парпат, и Колорадо, и все ребята, которых уже сегодня нет с нами, которые были на самом деле героями, займут свое место в истории Осетии, то все встанет на свои места. И тогда подлостей будет поменьше. Это мое глубокое убеждение» [7].

Сборник талантливого осетинского автора содержит элементы множества жанров: биогра-

фии, мемуаров, исповеди, проповеди, молитвы, но прежде всего эта книга – памятник тем, кто не пожалел своей жизни, чтобы отстоять родину, спасти ее от врага и сделать то, о чем так мечтал Коста: один шаг к свободе своего народа.

... Только кладбище – не место для жизни; туда надо приходиться иногда, возможно, часто, каждый день, но жить на кладбище – неправильно.

Главный герой прозы Тамерлана Тадтаева – он сам: раздавленный, сломленный; не сумевший отодвинуться от войны, попроситься с ней; разговаривающий с читателем с позиции тех ребят, которые отдали свои жизни в дни бомбежек и перестрелок; по-прежнему делящий людей на тех, кто ТАМ был, и тех, кого ТАМ не было; «поместивший» себя в одном из текстов в могилу на знаменитом цхинвальском школьном кладбище, чтобы быть ближе к тем, кто ему особенно дорог. Все это позволяет говорить не только о несомненном таланте автора, но и о его потерях.

С античных времен умные люди много рассуждали о катарсисе как о непереносимом условии существования художественного произведения, как об «искусствообразующем» элементе. Тадтаев не хочет позволить своим читателям и почитателям пережить это удивительное очищение, возможно, он и сам еще через это очищение не прошел. Его тексты (не рассказы, а именно тексты) кажутся плоскими. Объем им могла бы придать несколько иная позиция художника, который сумел бы сделать хоть маленький шаг за пределы описываемого им мира.

У автора сборника «Полиэтиленовый город» жизнь выглядит не черно-белой даже, а густо

черной, а во мгле невозможно ничего разглядеть. Но ведь есть и другие цвета, которые способны эту мглу несколько разнообразить. Не так важно показать радужность жизни, но иметь в виду ее полифонический характер, помнить об этом, передать это читателю все-таки необходимо. Иначе получается то, что мы видим в сборнике: душераздирающая хроника с места событий, репортаж (то есть то, что принято относить к журналистике, а не к художественной литературе). Более того – читатель становится свидетелем исповеди без адреса и цели, жалобы без надежды, покаяния без очищения, рыданий и слез без облегчения.

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь писал: «Обращаться со словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку. Беда произносить его писателю, ... когда не пришла еще в стройность его собственная душа: из него такое выйдет слово, которое всем опротивеет. И тогда с самым чистейшим желанием добра можно произвести зло» [8, с. 47–48].

Писательское дарование Тамерлана Тадтаева налицо, реализация этого таланта не полна. Возникающий в результате дисбаланс мешает читателю почувствовать то, что должна доносить истинная литература: помимо тьмы в мире есть свет, помимо зла есть добро, помимо смерти есть жизнь, помимо ада есть рай, помимо Дьявола есть Бог, помимо «точки невозврата» есть попытки создать вектор движения пусть не К чему-то даже, а ОТ чего-то: в данном случае – от ужасов войны.

Возможно, именно такими поисками занят сегодня Тамерлан Тадтаев.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Тадтаев Т.** *Полиэтиленовый город*. – М.: СЕМ, 2013.
2. **Тарханова Ж.** *Война глазами Т. Тадтаева* // www.ekhhokavkaza.ru.
3. **Тадтаев Т.** *Интервью ИА «Рес»* // cominf.org/node/1166493602.
4. **Тадтаев Т.** *Блиц-интервью ИА «Рес»* // cominf.org/node/1166487661.
5. **Холянова О.** *Тамерлан Тадтаев. Бесконечная война* // gradus.pro/pod-muxoj/literature/tamerlan-tadtaev:-beskonechnaya-vojna.html.
6. **Тадтаев Т.** *Мои рассказы о ребятах, которые защищали наш город в огненные 90-е (перепечатка интервью Т. Тадтаева юго-осетинской газете «Республика», автор материала – Тубилов И.)* // osinform.ru.
7. **Тадтаев Т.** *Ничего страшнее августа 2008-го уже прозойти не может ...* // osetia.kvaisa.ru
8. **Гоголь Н.В.** *Выбранные места из переписки с друзьями*. – М.: Советская Россия, 1990.